

РЕЦЕНЗИИ

КВАЗИЭЛИТОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ

Рецензия на книгу С.В. Кургиян «Качели. Конфликт элит – или развал России?». Москва : МОФ ЭТЦ, 2008. 772 с.

«Бритва Оккама»

«Без необходимости не следует утверждать многое», или:
«То, что можно объяснить посредством меньшего,
не следует выразить посредством большего»

В аннотации к этому изданию сказано, что её автор, известный российский политолог, рассматривает феномен т.н. «подковерной политики». Им разрабатывается научный «аппарат, с помощью которого можно анализировать нетранспарентные («подковерные») политические процессы, и применяет этот аппарат к анализу текущих событий» (с. 4). Поставленная проблема очень важна как для политической науки, так и для гражданского общества, ибо позволяет сорвать с правящей элиты её маску, и выяснить, наконец, кто же на самом деле под ней скрывается? И естественно возникает вопрос, справился ли автор с поставленной им же самим задачей. Можем ли мы, руководствуясь его научным открытием произвести дешифровку кода современной политической элиты и вывести засевших в элите авантюристов и лицедеёв. Заявка на фундаментальную теоретическую и методологическую проработку (с. 6) на поверку оказывается околонучным блефом, тщетной спекуляцией на модную ныне тему. По мнению уже существующей критики, «элитология» для Кургияна является не более чем как новейшей конспирологией¹. Столь неожиданный вывод, заставляет нас рассматривать данный вариант «элитологии» как ненаучный, публицистический опус.

Сразу скажем, что для нас это не книга, это всего лишь текст, и текст весьма своеобразный. Книга – это текст, обладающий определенной ценностью. А ценность этого опуса мы с профессиональной точки зрения определить не можем. «Минусов» гораздо больше чем «плюсов». Он сам выступает в роли аналитика чужих текстов (с. 413), забывая об анализе своего собственного. Он разбирает чужие ошибки (с. 441), не замечая свои собственных, приводит частные случаи (с. 491–494) и пытается на их примере сделать некие обобщающие выводы. Его рассказ полнится и умножается множеством версий (с. 621) и ни одного достоверного варианта, утверждающего его и т.д. Всё это приводит нас к убеждению, что перед нами *блуждание мысли по ненужным [неверным] словам*, т.е. словоблудием.

В некоторых пассажах ты одновременно соглашаешься и тут же возмущаешься автором этого текста. Например: «Взялся за описание элит – жди множество инсинуаций [согласны]. Но шизофренизация сознания (она же гиперконспирология) – это вам не частные обвинения в адрес какого-то исследователя. Это препятствие на пути исследователя вообще. И бороться с этим препятствием мой долг интеллектуала и гражданина. Я для того и занимаюсь элитами, чтобы конспирологи не сводили людей с ума, не превращали нацию, её думающую и обеспокоенную часть, в сообщество параноиков [во, как!]» (с. 55). Мы тоже занимаемся элитами и элитологией для того, чтобы такие как Кургиян не пудрили нам и обществу мозги своими наукообразными глупостями. У нас тоже пред обществом и Истиной есть долг, и мы его свято исполним.

Мы согласны с его мнением о том, что существенный вклад в разрушение СССР внесла советская партийная элита, а также и то, что главной угрозой для безопасности современной России тоже является её политическая элита. Понятно, что «для

¹ Кравчук В. А. Занимательная «элитология» Кургияна. URL: <http://old.kpe.ru/rating/media/2165/>

того, чтобы этого не произошло, нужно исследовать элитную динамику, элитогенез, элитные конфликты, элитные субкультуры и многое другое... [для того, чтобы] понять, как можно хоть в какой-то степени управлять элитогенезом. Как сдерживать хотя бы самые разрушительные элитные конфликты?» (с. 48–49). Проблема сформулирована четко и ясно, но вот в решении её автор что-то напутал. То, что было им заявлено и реализовано оказывается неадекватным, т.е. вопрос оказывается лучше ответа. Из-за этого и вся его работа выглядит как некий запутанный клубок идей и частных (субъективных) мнений.

Тема политической игры – сквозная в этом его произведении. Он рассматривает элитогенез как смену непрерывно играющих в политику и с политикой элит. Трудно не согласиться с тем, что элита играет некую роль, одевая на себя определенную маску (с. 72). Но нам бы хотелось знать, что это за игра и какая это маска? А вот этого как раз в его работе и нет. Автор уходит от конкретного ответа, заменяя его пространственными рассуждениями, имитирующие научность.

Автор действительно слишком часто и по много отвлекается на сопутствующие элите темы, обращаясь к совершенно не нужным, на наш взгляд, примерам, якобы иллюстрирующим его мысль. Он не умеет говорить коротко и ясно, а там, где пытается говорить афористично, получается банально. Слишком много слов и очень мало смысла. Этот опус нужно просеять через сито герменевтики, для того, чтобы понять, что же на самом деле в ней есть, а что является имитационным.

На поверку оказывается, употребляемые им слова живут без какого-либо содержания. Их смысл нам вполне понятен, но не понятен их кургинянский контекст. Похоже, что сам автор смутно себе представляет то, о чем он рассуждает. Его текст постоянно «зависает» между серьезной наукой (ибо автор желает казаться солидным ученым) и откровенной публицистикой, где идет полнейшая «отсебятина». Поскольку постоянно перевешивает публицистика, наука ставится тем фиговым листом, коим автор прикрывается в надежде на то, что его примут за серьезного ученого. Но самое главное, нервозность, а порой, и откровенный психоз, который передается от автора к читателю, ибо уже на 10 странице ты начинаешь получать изрядный заряд раздражения и неприязни к тексту, а через него и к самому автору, т.е. начинаешь вести себя также деструктивно и агрессивно как и его сочинитель.

Самое обидное для элитологии (а работа Кургиняна – это пощечина элитологии), что её автор, говоря очень много об элите и ничего не знает об элитологии. Он задается вопросом, «что такое наука об элите» (с. 50), и начинает свои околонучные фантазии. Но в его фундаментальном по объему тексте ни разу не встречается слова «элитология» (тотальное невежество!). При этом автор знаком с азами (именно лишь с азами) конфликтологии, социологии, политологии, но ничего не знает об элитологии (!). Его дилетантизм носит энциклопедический характер. Он пытается писать обо всем сразу и не просто профессионально, а с претензиями на гениальность. Отсюда и все его накрученные и весьма туманные определения – весьма красивые по форме и столь же убогие по содержанию.

О самой элите автор говорит слишком много, от чего элита становится ещё более запутанной и непонятной. А самое главное нет доказательства важности и необходимости вводимой им новой терминологии («старую» он напрочь игнорирует). Так, всего лишь на одной странице (с. 73) он употребляет целый ряд весьма экзотических терминов, о сущности которых мы можем лишь догадываться. Он присоединяет слово «элитное» ко всему, что только можно: «элитная игра», «элитная маска», «элитная правда», «элитная рефлексия», «элитный мир» (с. 74). При этом он не обременяет себя разъяснить их значение, предоставляя читателю самому домысливать, что же это такое? К любому вводимому термину он прилепляет слово «элитный», свято полагая, что новизна ему уже сама собой будет обеспечена.

Кургинян воспринимает элиты крайне калейдоскопично – его элита по форме выглядит весьма мозаично, а по содержанию волонтаристски неряшливо. Претендуя на истину, он как паук выдавливает её из себя. При этом буйство его фантазии бьёт просто через край. Ему действительно стоило написать роман в конспирологическом

стиле (с. 651), поскольку все его кошмарные сцены удел именно художественной литературы. С чем можно согласиться с автором этого текста, так это с данным им определением принципа элитаризма, как системы реализующей на практике открытый принцип привилегий. Но это всё было хорошо известно элитологам и до него и вряд ли его опус изменит эту общую точку зрения.

Так, им вводится термин «*элитарный трансформатор (ЭТ)*», который, по его мнению, работает на вход и выход. Он им представлен некоей схоластической схемой (ничего абсолютно не объясняющей), взятой им то ли из радиомеханики, то ли из кибернетики, то ли ещё откуда-то, но самое главное, что он работает в режиме «*что-угодности*», т.е. обслуживает интересы того оператора, который им манипулирует (с. 59). Автор вообще большой выдумщик на подобные изобретения. Исследуя процесс трансформации, он обращает больше внимание на сам трансформатор, при этом оказывается столь многословен, что читатель теряет всякий смысл того, о чем ему столь настойчиво вдалбливает автор (с. 60–61). Он утверждает, что ЭТ не исследует, а создает предмет, что ЭТ – это редукция, которая превращает героя из персонажа в феномен (с. 66). При этом он приплетает сюда Гуссерля, по-видимому, путая его со своими гусями, и Евгения Онегина, родственника одноименного с ним Пушкина (с. 62–64). То, что он при этом пытается сказать, можно выразить одной фразой – политическая герменевтика. Но он её категорически не замечает и продолжает лить воду на жернова своей словесной схоластической мельницы.

Следует отметить, что стиль и манера изложения этого опуса ненаучны. Автор позволяет себе не просто простонародные, но даже жаргонные выражения, а с научной терминологией у него такая вольница и путаница, что ты перестаешь понимать в чем тут дело уже на второй странице чтения. Автор явно любитель красивых иностранных слов. Он ими обильно сдабривает свой текст, бравлируя при любой возможности. Им часто употребляется слово бэкграунд¹, он даже не удосужил объяснить, что это такое? Чем изощреннее понятие, тем лучше. Это, по его мнению, и есть вся его научность. Иногда текст этого опуса просто превращается в поток публицистического сознания – набор слов и фраз и все ни о чем. Но самое главное так и остается не понятно, что такое у него элита и что собой представляет наука об элите (социологию или историю?) (с. 50). Зато есть красивые и витиеватые выражения, типа «человек как элемент элитного ансамбля» (с. 51), «человек, вошедший в элиту, должен играть» (с. 72) и т.д. Вводимые им новые понятия представляют собой по большей части «пустые формулы» (схоластику). Так, Кургинян вводит такое понятие как «*элитарий*». По его мнению, это элемент элитарного ансамбля, участвующий в его игре; шахматная фигура, лишённая человеческих качеств («человекофункция»), стоящая на огромной (т.е. имеющей «много возможностей»), многомерной «много интересов» доске с бесконечным количеством игровых клеток «не много, а бесконечно много возможных реализаций интересов». Подобные размытые понятия не позволяют дать точное научное описание феномена элиты. Напротив они создают мутный поток, в котором эта категория безнадежно тонет. Но вот что такое конкретно его элита нам приходится домысливать за него самим. И тут получается, что его «элитология» это некий гибрид истории и социологии, где история уже не история, а социология подчинена личностному произволу того, кто объявляет себя здесь и сейчас социологом.

Даваемое им определение *науки об элите* вытекает из бесконечности его элитария – это метод получения фигур, доски и понимание игровых правил. Весьма образно, но совершенно неясно. И вообще, для Кургиняна чем непонятнее, тем научнее. Условность границ этих определений дает ему возможность в любой момент их уточнить, пересмотреть или даже опровергнуть (не правильно понят). Подобная позиция выдает в Кургиняне публициста-элитиста, претендующего на статус элитолога.

¹ **Бэкграунд** (от англ. background – «фон», «задний план», «подготовка») – всё, относящееся к жизни, образованию, связям, опыту человека; интеллектуальный уровень, культурная подготовка, степень образованности, жизненный и профессиональный опыт.

Свои претензии на этот статус он обозначает вводимыми им во множестве «новыми научными терминами», которые нас чаще всего запутывают, чем проясняют реальность. Вследствие этого вокруг политической элиты создается ещё одна, на сей раз наукообразная, завеса, скрывающая от нас её подлинное лицо. Кургинян элитолог-косметолог – якобы критикуя элиту, он на самом деле подновляет ее парадный портрет, делая его ещё более неузнаваемым. В результате его действий, «чудовище» прячется за новую сказку.

Со многими его заявлениями элитология может согласиться (поскольку они банальны!), но сам тон и стиль изложения оставляет желать лучшего – пишет не просто хулиган (хулиганство можно понять и простить как игру разума!), а весьма циничный субъект, не терпящий никаких возражений. Более того, автор этого опуса совершенно не стесняется выражений и с шиком употребляет площадную лексику, граничащую с откровенной пошлостью (с. 662). Он самолюбуется и рекламирует себя? Предел нескромности! Его опус – это PR самого Кургиняна, причем PR весьма черный. Себя он позиционирует как политический аналитик (с. 664). Возможно. Но у этого его аналитика явно хромает логика. Я всякий раз содрогаюсь, когда читаю работы журналистов по истории или элитологии. От этих работ веет пещерной напыщенностью¹, ожившим каменным веком.

Анализ «подковерной политики» приводит его к конспирологическим выводам. С одной стороны, он оптом критикует всех заговорщиков, с другой – сам создает заговор и здесь заканчивается весь его здравый смысл. Как справедливо отмечал Дж. Энтин, «конспиративизм начисто лишен здравого смысла, мало знает о действительных заговорах и о том, как часто они проваливаются, власть рассматривается как единственная цель... приверженцы теорий заговоров не умеют оперировать доказательствами, не представляют, как историк оценивает свои источники и делает из них выводы и почему одному толкованию он предпочитает другое. Короче говоря, конспиративизм напоминает менталитет параноика, которому мерещатся заговоры против него самого»². Данный диагноз является точной характеристикой текста автора, а через него характеризует и саму его личность и личность эта указывает на «элитолога»-дилетанта, причем весьма злобствующего. Чего ему не хватает, так это самоиронии и способности высмеивать элиту. Нынешняя российская элита нуждается не в злобном поношении (он ей как слону дробина!), а в сатирическом осмеянии, в котором ее позор и пороки будут особенно заметны. С чем мы солидарны с ним так это в необходимости развития «*элитологической практологии*» (исследования нетранспарентного поведения элиты), но мы не разделяем его желания нарочито придумывать какие-то экзотические инструменты для этого исследования. Этими методами должны уметь пользоваться все специалисты, а не только один Кургинян.

Перед нами фактически ученый дилетант, который переводит на свой лишь ему одному понятный язык давно уже известные научные истины и упивается своим словоблудием. При этом он сам не позволяет своими наукообразными терминами обратиться нормальному читателю в его публицистическом бреде. От его книги элите хуже не стало, но элитология находится в прединфарктном состоянии, так как эту галиматью начали читать уже студенты. И как тут не согласиться с мнением В.А. Кравчука, назвавшего его провокатором от конспирологии³. Единственное с чем мы категорически не согласны с В.А. Кравчуком, так это то, что Кургинян занимается элитологией и его работу можно называть не «занимательной элитологией», а на самом деле это квазиэлитология известного на всю страну дилетанта. Следует особо подчеркнуть, что во многих своих «научных» пассажах он весьма вульгарен и циничен. Это фактически не элитология, изучающая элиту, а психиатрия, раскрывающая умственную культуру автора.

¹ Любин А. Пещерное источниковедение // Полит.ру. 2012. 13 марта.

² Энтин Дж. Теории заговоров и конспиративистский менталитет // Новая и новейшая история. 2000. № 1.

³ Кравчук В. А. Занимательная «элитология» Кургиняна. URL: <http://old.kpe.ru/rating/media/2165/>

Автором слишком часто и не всегда по делу употребляются красивые термины, взятые им Бог весть откуда. Словарный запас автора во много раз превосходит словарный запас любого читателя, (поскольку мало кто знает такие «термины»), поэтому его приходится читать со всеми словарями мира. В результате такой текст оказывается понятным только одному его автору. Принцип «бритвы Оккама» автором не просто нарушается на каждом шагу, он им или игнорируется, или извращается. *То, что можно объяснить посредством меньшего, кургинянское блудословие выражает посредством наибольшего.* В опусе полно деклараций о намерениях, но нет решения каких-то конкретных научных проблем. Там, где требуется серьезная проработка темы, автор заявляет, что у него нет не то времени, не то желания этим заниматься (с. 539), зато есть и время, и желание заниматься всякого рода словоблудием.

В опусе Кургиняна очень много слов. То, что можно было бы изложить на 70 страницах, он расписывает на 770-ть. Напомним, что работа классика политологии Н. Макиавелли «Государь» насчитывает около 90 страниц. *«Краткость сестра таланта»*, словоблудие – талант провокатора. А в его тексте слишком много слов, и очень мало смысла. К этому тексту можно цепляться на каждой странице. Цепляться не казуистически, а по смыслу. Потому что заявка сделана на что-то большое, даже грандиозное, но смысла это грандиозное нам не проясняет, а ещё больше вводит нас в бессмысленность. Перед нами эклектика энциклопедически начитанного, но весьма занудного субъекта, умножающего сущности без необходимости. То, что можно сказать одним словом, он говорит десятью страницами. Что можно тут ещё сказать об этом издании? В работе очень много банальных фраз и прописных истин. Для кого эта работа? Для ученых мужей? Для рядового человека? Последние такие работы не читает, а первые, прочтя, прекрасно понимают ее качества и цену. Вот и выходит, что эта работа писалась для самого автора. Только одного себя он в ней и слышит. Мутные фразы мутной «книги» мутного автора.

Автор сам тонет в потоке собственных же слов. При этом он невольно делает пассажи обличающего характера. Так в описании предложенного им метода, он указывает, что мог бы описать его в таких деталях и в таких подробностях, что он окажется оторванным *«от той реальности, ради понимания которой он создаётся. И как при таком отрыве (превращающем политически актуальное исследование в изысканную схоластику) определить хотя бы релевантность этой самой схоластики?»* (с. 85). Что тут можно добавить? Схоласт признался в том, что занимается схоластикой. Это единственная понятная для нас истина, прямо вытекающая из самого его текста. Если его метод допускает подобные вещи, чего тогда стоит вся его работа?!

Рассуждая об «обреченности мира на элитарность», он вдруг честно признается, что не готов *«обсуждать эту проблему в общем виде»*, но верит, что *«когда-нибудь, общество всё же освободится от элитарности (!)»* (с. 48). Как его следует понимать, он не уточняет. А потому особенно мучиться с его понимаем мы не станем. Тот, кто попытается рационально понять схоластику, столкнется с великой пустотой идей.

Автор порой утомляет своего читателя такими прописными истинами (с. 86–87), что складывается впечатление, что он свой опус создавал для детей дошкольного возраста. Кургинян пытается писать парадоксально, для того, чтобы удивить своего читателя. Выжимает из себя афоризмы на полную мощь, полагая, что их количество создает качество его работы. Вполне возможно. Но не стоит банальности представлять ученой публике, как творческие плоды развитого и изощренного ума. Да и кто может прочесть его «кирпич» в 770 страниц? Я понимаю, Кургинян далеко не Н.А. Бердяев, чтобы удивлять русскую интеллигенцию своими модными идеями. Но так издеваться над бумагой тоже нельзя.

В этом пасквиле на элитологию его автор очень много пишет о герменевтике. Но стоит нам применить её к нему самому, то окажется, что король-то голый. Есть форма (балаган), но нет содержания (Шекспир оказался сторожем ночного горшка власти). И всё это автором тщательно конспирируется, для того чтобы создать впечатление, что он пишет о чем-то тайном и архи важном. Если автор этого талмуда

претендует на то, чтобы называться ученым, то мы должны тогда признать, что выбранный им жанр научного повествования может называться «научной порнографией», так как его умственное извращение налицо.

Его самого можно заподозрить в том, в чем он подозревает всех, кто занимается элитами – в выполнении чьего-то коварного заказа. Он выступает против этой корысти, за чистую науку. Но что делает сам? На деле он замазывает эту науку жирным слоем своего журналистского словоблудия. Он ругает мировое закулисье и сам же его страшится. С политической элитой он ведет себя подчас весьма вульгарно (это простительно), но распространяет свой вульгаризм и на науку (чего мы простить ему никак не можем). Власть сама заслужила такого к себе отношения, наука – нет.

Со своим читателем (там, где это возможно) он пытается быть доверительным и даже откровенным. «Поверьте мне», часто обращается он к нам, но мы ему почему-то не верим. Почему? Слишком приторно. Слишком много оказывается во рту халвы. Его любимый прием – утверждать что-либо, но не давать этому «чего-либо» точных критериев оценки и проверки. Приходится ему верить на слово. Но вот беда – в его талмуде, как мы уже отмечали, слишком много слов и очень мало ясных идей. Он постоянно задает вопросы, причем не только от себя лично, но и от имени своего воображаемого читателя, и отвечает и за себя, и за читателя (с. 139, 318, 650 и т.д. – очень много!). Похоже, Кургинян хочет быть и автором, и читателем в одном лице. Но это его желание противоречит законам герменевтики. Там такие фокусы не проходят. Зато проходит фамильярность Кургиняна, его желание показать, что он стоит выше классиков самой герменевтики, когда небрежно бросает, что отвечает на 100 % за «концептуальный базар» М.М. Бахтина (с. 258). Это не просто моветон, это 100 % интеллектуальное извращение, указывающее на культурный уровень самого автора.

Детализируя свои приемы исследования, он настолько оказывается мелочным и нудным, что вызывает законное раздражение. Текст порой скатывается к такому примитивизму, что к нему появляется отвращение (с. 71). Для читателя это знаковый сигнал – пора заканчивать чтение этого авторского бреда.

В целом книга Кургиняна «Качели» является прекраснейшим материалом для психиатрии. Для элитологии – это пустая трата времени и нервов. Автор явно злоупотребил нашим доверием и вниманием (не говоря уже о затраченных на приобретение книги средств – 420 рублей!). Его спекулятивные рассуждения об элите – плод его большой фантазии и извращенного ума. Его работа – фальшивка об элите, а о политических фальшивках он писал в «Качелях» предостаточно (с. 577). Его опус – это поток сознания, который автор порой не успевает сам даже записывать, а надиктовывает своему компьютеру. Такие стенограммы личного бреда стоят не много. И очень жаль, что такой неуравновешенный человек как Кургинян выступает на ТВ, истерит на митингах и пишет подобные скабрёзные тексты...

П.Л. Карабущенко